

произведения создавались, но и в целом менталитет создававшего их народа. В статье Д. Ашеро «Ахейцы и гениохы: отражение происхождения и истории греческих риторических топонимов» (с. 265–285) проанализированы письменные источники, содержащие сведения о происхождении двух народов, обитавших на восточном побережье Черного моря. Интересны выводы автора об отношении античного общества к проблеме варваризации эллинов как культурному явлению. Пример ахейцев и гениохов, оказавшихся отрезанными от контактов с родиной и – в результате – ассимилировавшихся с варварами, в этом плане является наиболее показательным, поэтому и прошел красной нитью в качестве дидактического примера сквозь всю античную литературную традицию.

Статья А. Иванчика «Основание Синопы и проблема начальной фазы греческой колонизации черноморского побережья» (с. 297–330) построена на анализе письменных источников. Синхронизация сведений Псевдо-Скимна и Евсевия об основании колоний с событиями переднеазиатской истории, связанными с вторжениями кочевников, позволила автору провести границу между мифологическими и реальными историческими событиями. Интересен вывод об отсутствии двойного основания южнопонтийских городов – гипотеза о начале колонизации в середине VIII в. до н.э. лишается и археологической основы, и базы в виде литературной традиции. Однако предложенный метод определения начальных дат таит в себе опасность их «нестыковки» с археологическими данными. Согласно автору, основание Синопы и Истрии следует синхронизировать не с «олимпийскими» датами Евсевия, а с вторжением кочевников в Азию и отнести эти события к началу последней четверти VII в. до н.э., допуская, впрочем, для Истрии несколько более раннюю дату (с. 329). Однако если для Истрии поступление массового материала датируется временем от 630-х годов, то для Синопы, учитывая невысокую археологическую изученность памятника в настоящее время, они определяются пока концом VII – началом VI в. до н.э. (с. 330). По археологическим данным Истрия надежно синхронизируется с Березанью¹⁹, причем даты основания обоих памятников не намного отличаются и у Евсевия.

В целом рецензируемый сборник оставляет неоднозначное впечатление. Повышенный интерес к черноморской проблематике, наблюдаемый в последнее десятилетие, рождает и спрос на публикации, дающие представление о современном состоянии проблем. В этом плане ряд статей сборника вызывают безусловный интерес, причем, как правило, это касается работ, построенных на анализе письменных источников, чего нельзя сказать о работах, в основу которых положены археологические данные. Поэтому сборник хорошо демонстрирует не только сложность современных исторических реконструкций, но и необходимость корректного отношения к данным археологии. Не случайно это относится к большей части работ, посвященных Северному Причерноморью – региону, в настоящее время самому богатому разноплановыми памятниками периода колонизации и археологически лучше всего исследованному. А поскольку результаты и материалы этих исследований в последнее время «стали очень популярны среди западных исследователей» (с. 7), то многочисленным археологам, добывающим их, как мне представляется, далеко не безразлично, как они при этом на Западе интерпретируются.

А.В. Буйских

© 2002 г.

*Esclavage, Guerre, Économie en Grèce Ancienne. Hommage à Yvon Garlan. Textes réunis par P. Brulé et J. Oulhen. Rennes, Presses Universitaires de Rennes. 1997, 250 p.**

Рецензируемый сборник посвящен известному французскому исследователю истории античного мира, член-корреспонденту Академии надписей и изящной словесности Ивону Гарлану. Насколько можно понять из несколько туманно написанного Введения (авторы П. Брюле и Ж. Улэн), поводом для создания этого сборника послужил уход И. Гарлана в отставку с поста профессора Университета Ренн-2. Помимо Введения, в сборнике есть еще Предисловие (с подзаголовком «Визит к другу»), автором которого является известный историк-медиевист

¹⁹ *Alexandrescu P. La céramique de Grèce de l'Est dans les cités Pontiques // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Paris – Naples, 1978. P. 52–61.*

* Рецензия написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 00-01-00208а.

А. Шедвилль. Он в частности напомнил о факте, который остается неизвестным большинству коллег И. Гарлана, что И. Гарлан написал два труда о средневековой истории его родной Бретани.

В соответствии с основными сферами научных интересов И. Гарлана, сборник разбит на три раздела: «Рабство», «Война», «Экономика»¹. В самом конце книги представлен список опубликованных работ И. Гарлана. Как всегда бывает в подобного рода изданиях, в сборнике представлены статьи разного объема и различной значимости: от маленьких заметок по очень узким и специальным вопросам до работ более широкого характера.

Раздел «Рабство» открывает статья П. Левека «Hipponastea или несколько рабов из Эфеса». Большим коллективом исследователей уже долгое время проводится работа по составлению тематических индексов упоминаний рабов и рабства античными авторами. У этого метода есть, однако, одно слабое место – анализ текстов тех авторов, произведения которых дошли до нас в виде небольших отрывков. Такими авторами, в числе других, являются все поэты-лирики архаической эпохи. Но именно они имеют особое значение, так как в это время рабство активно развивалось и приобретало новые формы, по крайней мере в наиболее развитых городах. В силу этого в произведениях поэтов-лириков мы можем ожидать встретить любопытную и важную информацию по проблемам рабства.

Исходя из этих предпосылок П. Левек анализирует творчество одного из таких поэтов – Гиппонакта, гражданина Эфеса, бежавшего затем в Клазомены. Согласно античной традиции, принятой современной наукой, его акме приходится на время около 540 г. до н.э. П. Левек отмечает, что Гиппонакт заслуживает особого внимания как «первый реалист» в греческой литературе. Его творчество, кроме того, ценно тем, что дает представление о живом разговорном языке ионийцев середины VI в. до н.э. Интересны очень личные стихи Гиппонакта, многие из которых представляют едкие нападки на его врагов. Всего сохранилось 173 фрагмента его ямбов, из которых 40 фрагментов – только одно слово.

П. Левек анализирует употребление Гиппонактом нескольких слов: «дулос», «пайс» и загадочные *ικέρτας* и *σβαίαι*. Последние два слова он считает лидийскими. Внимательный анализ приводит автора к выводу, что Гиппонакт в своем языке очень ярко отражает время, характеризующееся рождающимся меркантилизмом, который приходит на смену старому строю жизни, основанному на земельном богатстве. В языке Гиппонакта ощущается влияние крестьянской речи. Именно отсюда он берет слова, которыми пользуется в своем «инвективном лиризме». Рождающаяся комедия также прибегает к использованию этого ресурса.

Мне кажется, что выводы Л. Левека достаточно убедительны. Хочется сделать только одно замечание: я не уверена, что фрагмент М 115² свидетельствует о торговле ионян с жителями берегов Черного моря, поскольку упоминаемые здесь фракийцы оказываются связанными с Салмидесом, что очень странно.

Следующая статья этого раздела «Свободные и несвободные в Гортинских законах» написана Э. Леви. Анализируя статус несвободных, автор приходит к следующим выводам. Законы отражают очень сложную ситуацию, которая проявляется и в терминологии: войкеи – всегда несвободные (они явно представляют основную часть несвободных), но иногда войкей определяется как дулос. Термин дулос обозначает несвободного вообще, когда же в законах уточняется его статус, то становится ясным, что имеется в виду купленный раб (*esclave marchandise*). Такое колебание в терминологии, по мнению Э. Леви, отражает реальную картину, существовавшую в обществе переходного периода, в котором наряду с войкеями появляются и развиваются новые формы рабства.

Та же самая картина наблюдается и при определении ценности несвободных. Если виновен несвободный, то наказание, налагаемое на него, – в два раза тяжелее, чем наказание свободного, виновного в аналогичном преступлении. В тех случаях, когда несвободный является жертвой, наказание, налагаемое на его обидчика, в два раза меньше по сравнению со случаем, когда жертва – свободный. Но столбец II представляет собой исключение из этого правила – здесь разница в наказаниях в зависимости от статуса много больше. В этом столбце присутствуют четыре категории жителей Гортины: элевтеры (= граждане), апетайры, войкеи и домашние рабы. По всей видимости, данный столбец – самый поздний. Э. Леви указывает, что если принять эту гипотезу, то естественным выводом будет признание наличия негативной

¹ В сборнике, правда, отсутствует раздел, который бы отвечал тому направлению исследований И. Гарлана, которому в последние десятилетия он уделяет основное внимание, – изучение античных амфор и особенно клейм на амфорах.

² Les fragments du poète Hipponax / Ed. O. Masson. P., 1962.

тенденции в развитии права для несвободных (и женщин). Закон имеет тенденцию превращать войкея в простого раба и уменьшать его ценность.

Ж. Дюка представил статью «Криптии под вопросом». Указывая, что этот спартанский институт на протяжении длительного времени является объектом самых горячих дискуссий, он строит свое исследование в значительной мере как опровержение выводов Э. Леви³. Число упоминаний криптий в источниках невелико⁴. Э. Леви, изучив их, пришел к выводу, что описания их у различных авторов не только не согласуются, но часто даже противоречат друг другу. Конечный вывод: криптии – не явление, а процесс, притом достаточно сложный. В источниках отразились различные виды криптий: селекция «лучших» из молодых спартиатов для включения в элиту; создание «коммандос», использовавшихся против илотов и на войне; нечто вроде патрульной службы афинских эфэбов. Ж. Дюка, напротив, считает, что имеющиеся в нашем распоряжении источники рисуют один и тот же институт, но с разных сторон и с различной степенью детальности. Постаравшись доказать это, автор затем анализирует информацию каждого источника отдельно, в конце же сопоставляет выводы, полученные при таком анализе. Конечный итог исследования Ж. Дюка суммирует в пяти выводах.

1. Нет сомнений, что убийство илотов входило составной частью в криптии классической эпохи. Жертвы не выбирались специально, а были случайными. Криптии нельзя рассматривать в качестве подлинных репрессий, как полагают исследователи, видящие в них деятельность политической полиции. Убийство илотов было актом, интегрированным в ритуал «унижения». Это символическое и показательное убийство имеет своей конечной целью сохранение существующего в Спарте строя.

2. Поскольку в криптиях основное содержание – ритуальное, то естественно введение большого ряда ограничений. Важнейшее из них – визуальное, молодого спартиата во время криптий никто не должен видеть; другое важное ограничение – из всего возможного оружия может использоваться только кинжал; несколько меньшее значение имеют другие ограничения.

3. Одна из самых характерных особенностей криптий – их «регрессивность». Молодой спартиат покидает цивилизованное пространство и цивилизованный образ жизни, он ведет жизнь дикого, нецивилизованного человека, но одновременно – это жизнь ребенка, еще не прошедшего агоге. В это понятие входит и инверсия темпа жизни – день и ночь меняются местами, участники криптий ведут исключительно ночной образ жизни.

4. Ставший невидимым участник криптий исключен из контактов с другими спартиатами, он должен действовать в пространстве, которое обычно люди не посещают, находиться среди дикой природы, которая в это время созвучна его собственной природе.

5. Все эти особенности указывают на ритуальный характер криптий, но в спартанском обществе и ритуал имеет свою конечную практическую цель, в данном случае основная цель – постоянная и методическая селекция будущих членов государственной элиты (один из этапов этой селекции).

Статья безусловно представляет большой интерес, но в той части, где автор стремится доказать гомогенность традиции, его аргументы кажутся слабыми.

Статья С. Душанича «Платон, мессенский вопрос и борьба против варваров» начинается с утверждения, что помимо Письма VIII (которое обычно считается подлинным) Платон упоминает Мессению только в «Законах». Эти упоминания лишены доброжелательности. Особое внимание С. Душанича привлекает утверждение Платона о том, что спартанцы опоздали прийти на помощь афинянам при Марафоне из-за восстания илотов-мессенцев. Это сообщение Платона многие древние (как и современные) авторы считают совершенно точным, в действительности же это восстание – чистая фикция, собственное изобретение Платона. Естественно, встает вопрос: почему Платону понадобилось создавать это мифическое восстание и, вообще, почему он, осуждавший порабощение эллинов эллинами, одобрял спартанское господство над Мессенией?

Для этого, с точки зрения автора, существовало две причины. Одна – лаконофильство Платона. Вторая причина имеет более конкретный характер. Платон был патриотом Афин и сторонником объединения греков против варваров. В 50-е годы, когда писались «Законы», для Эллады вызревали две угрозы: Македонское царство и Кария, за которой стояла Персидская держава. Именно их Платон воспринимал как угрозы со стороны варваров. Поскольку

³ Lévy E. La cryptie et ses contradictions // Ktema. 1998. 13. P. 245–252.

⁴ Ж. Дюка доказывает, что известный с 1897 г. фрагментарный папирус Британского музея № 187 (подробнее см. Milne H.J.M. Catalogue of the Literary Papyri in the British Museum, L., 1927. P. 88–89; автор пользуется переводом в кн.: Piéart M. Platon et la cité grecque. Bruxelles, 1974. P. 283–285), который обычно считается еще одним источником по криптиям, таким не является.

среди граждан Мессении, восстановленной как самостоятельное государство после поражения Спарты при Левктрах, было особенно много сторонников Македонии. Платон считал всех граждан этого государства варварофилами, мешающими создать общезеллинский союз под главенством Афин и Спарты.

В статье О. Массона «Женщины-донатрисы в афинском Асклепийеоне» дан анализ ряда женских имен, зафиксированных в надписях IV–III вв. до н.э. – инвентарях, фиксирующих посещения в храм Асклепия⁵.

М. Джеймсон представил статью «Женщины и демократия в Афинах IV в. до н.э.». Подобные темы достаточно популярны среди современных антиковедов, и я не смогла понять, что же принципиально отличает эту статью от множества ей предшествующих.

В центре исследования Ж. Аннекена «Метафора рабства и рабство как метафора» – «Метаморфозы» Апулея. Метафорическое использование терминов, обозначающих рабское состояние, в ситуациях, характеризующих отношение человека и божества, уже довольно хорошо исследовано⁶. Аналогичную ситуацию мы видим в XI книге «Метаморфоз», в которой Апулей широко использует термины, характеризующие рабство и зависимость, для описания связей между героем произведения Луцием и божеством-спасителем, в данном случае – Исидой.

В задачу Ж. Аннекена входит исследование всего текста «Метаморфоз» с целью выявления и анализа лексики, обозначающей рабство, подчиненность, «упадок» социального статуса, тяжесть труда и несчастья, которые характерны для раба. Обилие и многообразие подобных метафор показывают, как считает автор, что рабство было важнейшим структурным элементом античного общества. Правда, вывод этот не кажется особенно новым.

Раздел сборника «Война» начинается статьей П. Дюкре «Аспекты истории войны в древней Греции, 1945–1996 гг.». Она представляет собой довольно краткий критический обзор современной литературы по названной теме.

Статья Д. Уайтхеда – «ὄβρις τὸ μίψ λυτροῦσθαι». Слова, взятые в качестве заголовка, определяются как указание на «обычную» величину выкупа военнопленного (Arist. Eth. Nik. 1134b 18–24). Притчетт в частности считал, что эта фраза – отражение чего-то, похожего на «условное правило». Автор же стремится доказать, что в действительности в большинстве случаев мы не имеем информации о величине выкупа и соответственно не можем делать каких-либо серьезных выводов по этому поводу.

В статье Ж. Бельдь-Треве «Брасид: рождение искусства командования» речь идет о спартанском военном деятеле первого периода Пелопоннесской войны Брасиде. Его военная карьера началась в битве у Мefоны в 431 г. до н.э. и закончилась в 422 г. до н.э. в сражении у Амфиополя. Впрочем, данную работу вряд ли можно определить именно как статью, скорее это обыкновенный панегирик Брасиду, который, по мнению автора, был почти идеальным военным руководителем, проявлявшим, помимо огромного личного мужества, также глубокое понимание стратегических и тактических вопросов. Чтобы возвысить Брасида, автор всячески принижает его афинского противника Клеона. Ж. Бельдь-Треве совершенно не учитывает особенности позиции Фукидида, являющегося практически единственным нашим источником информации о действиях Брасида. Фукидид потерпел поражение от Брасида, и чтобы оправдаться за поражение (хотя бы в собственных глазах), естественно, должен был всячески превозносить своего бывшего противника. С моей точки зрения, Ж. Бельдь-Треве даже не поставила самого важного вопроса: в чем причина резкого отличия Брасида от «стандартных» спартанских военачальников этого периода? Успехи Брасида особенно ярко бросались в глаза на фоне деятельности остальных спартанских военачальников. Столетия традиционных войн и сам характер спартанского образа жизни выработали особый тип спартанских военных руководителей. Они были склонны к медленным действиям, сверхосторожности, их достаточно легко было поставить в тупик и испугать. Они хотели действовать только строго в рамках прямых приказов, полученных из Спарты, даже если спартанские интересы требовали каких-то новшеств и энергии в их проведении. В тех случаях, когда спартанские полководцы сталкивались с незнакомой ситуацией, которая требовала независимой мысли и нестандартного действия, они оказывались неспособными к принятию адекватных решений⁷. Автору даже не

⁵ На основе последнего издания этих инвентарей – Aleshire S. The Athenian Asklepieion: the People, their Dedications and Inventories. Amsterdam, 1989.

⁶ См. Martin D.B. Slavery and Salvation. The Metaphor of Slavery in Pauline Christianity [б.м.] 1990; Nouailhat R. Esclave, serviteur, moine. Structure de dépendance à Lérins au début du Ve siècle // Actes du colloque de Besançon, 1993. Besançon, Paris, 1994.

⁷ См., например: Westlake H.D. Individuals in Thucydides. Manchester, 1968. P. 122 f., 277 f.

приходит в голову сравнить Брасида с выдающимся спартанским же деятелем конечного этапа войны – Лисандром, хотя черты сходства буквально бросаются в глаза. Как мне кажется, статья не заслуживает внимания.

Ф. Шаму в статье «Трагическая казнь Фитона» анализирует сообщение Диодора (XIV, 108, 111–112), информация которого, по всей видимости, заимствована у Тимея – его главного источника по истории Сицилии. После осады и взятия Регия войсками Дионисия Старшего (город сдался из-за катастрофического недостатка продуктов питания) наступила пора наказывать сопротивлявшихся. В плен попало примерно 6000 человек. Освободили тех, за которых был дан выкуп в размере одной мины за человека, остальных же продали в рабство. Особую жестокость Дионисий проявил по отношению к руководителю осажденных регийцев Фитону, до самого конца вдохновлявшего граждан на сопротивление Дионисию. Сначала Дионисий приказал утопить сына Фитона, а его самого велел привязать к самому верху самой высокой из осадных машин, обеспечив ему «наказание, вдохновленное трагедией», как написал Диодор. Затем Фитона провели по городу, подвергая ударам бича. В конце концов, Фитон был утоплен в море вместе со всеми еще оставшимися в живых членами его семьи.

Как считает автор статьи, Дионисий был большим любителем театра и метод наказания Фитона навеян его знакомством с театром. Осадная машина *μηχανή* напомнила ему о театральной машине – также *μηχανή*. Особенно часто в трагедиях Еврипида появлялись на сцене именно с помощью такой машины. Фитон вращался на веревке над стенами города, и эта сцена должна была вызвать ужас у всех видевших ее, чего и добивался Дионисий.

Статья К. Моссе «Наемники во внутренней борьбе в Сиракузах в IV в.: свидетельства из биографий Диона и Тимолеона Плутарха» имеет в основном фактологический характер. К. Моссе указывает, что основным источником для Плутарха в данных биографиях был Тимей. Кроме того, в жизнеописании Диона он использовал рассказ Филиста и письма, приписываемые Платону, в частности VII письмо. Плутарх упоминает среди авторов, сочинениями которых он пользовался, некоего Тимонида из Левкады, являвшегося одним из участников экспедиции Диода и позднее переписывавшегося с Спевсиппом – племянником Платона, ставшим после его смерти руководителем Академии. По мнению К. Моссе, есть все основания считать Плутарха надежным источником, более заслуживающим доверие, чем Диодор. Само исследование конфликтов в Сиракузах и участия в них наемников весьма серьезно и детально.

Статья П. Бриана «Заметка об ахеменидской военной истории. Относительно слонов Дария III» начинается с анализа сообщений Арриана о составе персидского войска в битве при Гавгамелах, особо отмечается присутствие боевых слонов. Об этом факте сообщает также *Fragmentum Sabbaiticum*, но не упоминают все остальные авторы. Ставя вопрос о том, откуда прибыли в персидский лагерь слоны, П. Бриан стремится показать, что примерно 15 слонов – из Индии, а остальные – из Сузы, куда они поступили также из Индии. Здесь слоны содержались в парадизе, и их обучали для участия в военных действиях.

О боевых слонах в персидской армии, действовавшей на Западе, ничего не известно, но можно предполагать, что в военных действиях, развертывавшихся на Востоке, слоны Ахеменидами применялись. Арриан, по мнению П. Бриана, правильно описал ход событий. Появление слонов при Гавгамелах – свидетельство тщательности, с которой готовился Дарий к решающей битве. В это время усовершенствовалось наступательное оружие, изготавливались доспехи для коней и всадников, было увеличено число воинов-кавалеристов, месяцами проводились тренировки воинов, тщательно подбирались место для сражения, сооружался лагерь и т.д. Именно тогда было решено включить в состав армии и боевых слонов.

П. Лериша в статье «Почему и как Европос была основана в Дуре?», опираясь на результаты раскопок последних лет в Дура-Европос (он является руководителем Франко-сирийской миссии, осуществляющей исследования в этом городе), оспаривает традиционную схему развития города. Схема возникла в результате работ миссии Ф. Кюмона (1922–1924 гг.) и американо-французской экспедиции (Иельский университет и Академия надписей и изящной словесности), научное руководство которой осуществлялось М.И. Ростовцевым и Ф. Кюмоном (1928–1937 гг.). Суть этой схемы: населенный пункт был здесь основан в начале сельвкидской эпохи (Никанором, одним из полководцев Селевка I) и с самого начала обладал полевским статусом, внутреннее городское пространство было хорошо организовано на основе Гипподамова плана. Город создавался как один из тех стратегически важных укрепленных пунктов, которые контролировали дорогу, шедшую вдоль Евфрата. Дорога имела жизненно важное значение для Селевкидского государства, поскольку связывала Сирию с Вавилонией и расположенной там второй столицей государства – Селевкией-на-Тигре.

П. Лериш предлагает совершенно иную схему развития Дура-Европос. Он считает, что Европос был основан на месте древнего поселения Дура не как полис, но как военная колония.

Подтверждение этому он видит в содержании местного «Закона о наследовании», согласно которому земля умершего гражданина при отсутствии определенных категорий родственников переходит в состав царского земельного фонда. Такого рода отношения характерны именно для военной колонии, а не для полиса. Эта колония была относительно невелика и занимала территорию цитадели и непосредственно вокруг нее. Остатки поселения вскрыты несколькими шурфами именно на этой территории. Укрепления его еще предстоит найти. Большие изменения в жизни населенного пункта происходят во II в. до н.э. Именно тогда он получает ранг полиса и расширяется территориально, заняв верхнее плато. Тогда же это пространство было ограждено новыми мощными стенами, оно застраивалось по регулярной Гипподамовой схеме. Была перестроена и при этом расширена цитадель. Новый город стал столицей большой области. С точки зрения П. Лериша, новая схема позволяет лучше понять общие принципы селевкидского урбанизма.

Идеи автора безусловно заслуживают самого пристального внимания и кажутся вполне обоснованными. Хотелось бы только сделать два небольших замечания. Окончательно судить о достоверности новой схемы можно будет только после публикации материалов из шурфов, которые, насколько я знаю, еще не изданы. Второе же замечание имеет скорее историографическое значение. Как показывает переписка М.И. Ростовцева, он первоначально полагал, что Дура-Европос в начале своего существования имела статус именно военной колонии⁸.

Раздел сборника, посвященный экономике, открывается статьей О. Пикара «Монеты и законодатели». Автор ставит своей задачей оценить степень достоверности античной традиции относительно приписываемых ранним законодателям специальных законов о монете. В число этих законодателей входят Ликург, Фейдон и Солон.

Традиция относительно Ликурга, который запретил обращение золотой и серебряной монеты в Спарте, впервые в античной литературе представлена в седьмой главе «Лакедемонской политики» Ксенофонта, унаследована Феопомпом и Эфором и нашла свое блестящее завершение в девятой главе Плутарховой «Жизни Ликурга» (с добавлением некоторых особо красочных деталей). О. Пикар считает, что первоначально в Спарте не существовало официального запрещения частным гражданам иметь золотую и серебряную монету, а закон был впервые предложен после того, как в Спарту поступили огромные денежные средства, привезенные Лисандром после поражения Афин. Новый закон только запрещал чеканку новой спартанской монеты. Обоснование своей точки зрения О. Пикар видит в том, что ни Геродот, ни Фукидид не упоминают подобного закона.

Мне представляется, что система взглядов О. Пикара достаточно уязвима. Прежде всего, не подлежит сомнению очень хорошее знакомство Ксенофонта с условиями жизни в Спарте, чего, кстати, не отрицает и сам автор. Аргументы *ex silentio* не могут иметь решающего значения, поскольку известно, сколько важных фактов не упомянули эти историки, руководствуясь своими собственными соображениями. В подтверждение же традиционной точки зрения о раннем запрещении золотой и серебряной монеты в Спарте можно привести некоторые аргументы. Отметим, что на территории Лаконики был надежно зафиксирован только один монетный клад архаической и классической эпохи, тогда как в Аттике таких кладов известно 8, на Эвбее – также 8, в районе Коринфа – 4, в считающейся отсталой Фессалии – 9⁹.

Рассмотрим теперь те сведения письменных источников, которые О. Пикар использует для подтверждения своего тезиса. Как он сам отмечает, они говорят о корыстолюбии отдельных спартанцев. Добавим, что таких бесспорных свидетельств очень немного, по нашим подсчетам, – всего два и оба относятся к царям¹⁰, все же остальные вообще не имеют никакой

⁸ Эту информацию сообщили мне В.А. Гаилов и Г.А. Кошеленко, работающие под руководством Г.М. Бонгард-Левина над изданием переписки М.И. Ростовцева того периода, когда он руководил раскопками Дура-Европос.

⁹ Все подсчеты сделаны на основании: *An Inventory of Greek Coin Hoard / Ed. M. Thompson, O. Mørkholm, C.V. Kraay. N.Y., 1973.*

¹⁰ *Herod. VI. 72* – царь Левтихид был подкуплен «большими деньгами» фессалийцев, его уличили, найдя в его палатке мешок, полный золота. *Thuc. II. 21.1* и *Plut. Pericl. XXII. 2–3*. Фукидид рассказывает о походе в Аттику спартанской армии во главе с царем Плистоанактом, которая отступила от Элевсина. Потом царя изгнали из Спарты по подозрению, что он ушел из Аттики, будучи подкуплен. Плутарх же красочно развивает этот сюжет, но обвиняет не самого царя, а его советника Клеандрда. Перикл вошел с ним в тайные переговоры, подкупил и уговорил увести пелопоннеспцев из Аттики. Причина замены царя на советника в рассказе Плутарха совершенно ясна – Клеандрид был отцом Гилиппа, которого позднее обвинили в хищении государственных средств. Благодаря этой подмене Плутарх смог написать эффектную фразу о «наследственной болезни» корыстолюбия в этой семье.

доказательной силы¹¹. Что касается царей, то здесь необходимо указать, что быт царей заметно отличался от быта остальных спартанцев, начиная с того, что цари не обязаны были проходить агоге. Следовательно, в их среде вполне возможно появление чувства корыстолюбия. К тому же надо помнить, что эти два примера приходится на несколько веков спартанской истории, и это наблюдение явно говорит об их исключительности. Но даже если бы их было в несколько раз больше, то все равно они не могли бы свидетельствовать о разрешении обращения в Спарте золотой и серебряной монеты. Весьма показательно, что достоверных сведений о приверженности рядовых спартанцев этому пороку нет совершенно.

Нельзя также использовать в качестве источника и сохранившийся фрагмент комедии Эвпола «Илоты» (V в. до н.э.), в котором говорится о «прекрасных оболах-черепахах» (т.е. фракциях эгинских статеров). Во-первых, это комедия, в которой возможны различные отступления от реальности; во-вторых, героями ее являются илоты, на которых не распространяются ограничения, обязательные для полноправных граждан.

Таким образом, все те свидетельства, которые привел О. Пикар в поддержку своего тезиса, говорят скорее против него, и, как кажется, можно считать, что традиционное представление о запрещении в Спарте обращения золотой и серебряной монеты в период до конца Пелопоннесской войны остается в силе. Вместе с тем, совершенно не обязательно, что этот закон входил в число тех первоначальных спартанских законов, которые связаны с именем Ликурга.

Гораздо убедительнее два других сюжета: о Фейдоне и Солоне. Выводы автора здесь кажутся совершенно бесспорными.

Вторая статья этого раздела – «Фасос и его Эпир в конце V – начале IV в. до н.э.». Как отмечает ее автор М. Брюне, процветание Фасоса частично опиралось на его власть над территорией, расположенной на материке. Эта территория называлась Эпир. Правда, границы владений Фасоса на материке были достаточно подвижными в зависимости от политической и военной ситуации. В 463 г. до н.э. после подавления восстания Фасоса против Афин остров вообще лишился своих материковых владений. Обычно считается, что в 445 г. до н.э. Афины вернули Фасосу его Эпир, М. Брюне же доказывает, что такое предположение основано на неправильной интерпретации источников. В действительности только в самом конце V в., в последний период Пелопоннесской войны, Фасос начинает стремиться к восстановлению своей власти над утраченными материковыми владениями вместе с теми колониями, которые были им основаны здесь. Период 410–407 гг. до н.э. – начало процесса восстановления фасосского контроля. Первым симптомом этого процесса стала осада Неаполя в 410 г. (с помощью пелопоннессцев). Неаполь сопротивлялся, тогда как другие полисы, в частности Галепс и Ойсима, добровольно подчинились Фасосу. М. Брюне, сколь возможно, подробно восстанавливает ход событий, приведших к восстановлению фасосского контроля над всеми ранее утраченными территориями на Фракийском побережье.

В своем дальнейшем исследовании автор особое внимание уделяет так называемому «второму закону о вине», который датируется им примерно 390-ми годами до н.э. При анализе его наибольший интерес вызывает клаузула о запрещении всем фасосским судам доставлять иностранное вино в приморскую зону между Афосом и Пахейей. Именно тогда на Фасосе был восстановлен демократический режим. Демократы старались провести серьезную реорганизацию всех фасосских владений. Помимо упомянутого закона о вине свидетельствами этой реорганизации являются: монетная реформа, начало клеймения амфор, а также заключение соглашения с Неаполем, вернувшего полис в сферу фасосского влияния. В заключение автор подчеркивает, что, с его точки зрения, за всеми перипетиями политического и военного характера стояли экономические проблемы.

Подводя итоги, можно сказать, что данный сборник безусловно привлекает внимание, хотя, как всегда бывает в подобного рода изданиях, статьи, представленные в нем, далеко не равноценны.

Л.П. Маринович

¹¹ Приведем эти свидетельства: 1) *Herod.* III. 54–56 – рассказ о том, что Поликрат подкупил спартанцев фальшивыми деньгами. Сам Геродот считает его совершенно недостоверным; 2) *Herod.* VI. 50 – обвинение одного из спартанских царей на Эгине в том, что он подкуплен афинянами. По контексту несомненно, что обвинение – клевета; 3) *Herod.* VI. 71 – вообще ничего не говорится о деньгах; 4) *Herod.* VI. 82 – обвинение царя Клеомена в подкуле аргосцами не было доказано, суд «значительным большинством голосов» его оправдал; 5) *Herod.* VI. 86 – чисто фольклорный сюжет о спартанце, попытавшемся не возвращать деньги, данные ему на хранение, и наказанном за это Аполлоном.